

УРАЛЬСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Роман Елиава

Роман Елиава
Уральский детектив
Серия «Тульский детектив», книга 9

<https://litres.ru/74463794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Банковские мошенники были уже в конце 19 века. Закончив дело, следователь Трегубов едет на отдых на Урал, в столицу добычи золота Российской империи. Загадочные смерти в семье друга заставляют Ивана Трегубова вмешаться в расследование местной полиции. Что из этого вышло читайте в девятой книге об Иване Трегубове.

Содержание

1	4
2	14
3	21
4	33
5	36
6	45
7	49
8	61
9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Роман Елиава

Уральский детектив

1

Утром на территории Замоскворецких складов двое хорошо одетых мужчин аккуратно обходили лужи, оставшиеся после ночного дождя. Один из них, бородач в темно-сером костюме и цветном галстуке, двигался легко и непринужденно, в то время как второй, полноватый молодой человек в очках, был крайне сосредоточен, стараясь не замочить свои ноги. В результате он не заметил грузчика с мешком, который двигался ему наперерез и ожидал, что этот господин в модном коричневом костюме либо остановится, либо посторонится. Однако, тот решил перепрыгнуть небольшую лужицу, оказавшуюся на его пути, и врезался прямым в мешок на плечах грузчика, который тут же громко и смачно высказал всё, что думает по этому поводу. Мужчина устоял на ногах, но его очки свалились с носа в лужу, которую он пытался перепрыгнуть, а на мягкой ткани костюма остался пыльный отпечаток мешка. Господин с бородкой был вынужден остановиться, ожидая, пока его менее расторопный спутник, сжимая под мышкой папку бумаг, нашарит в луже свои очки и снова водрузит их на нос, чтобы во всех подробностях ли-

цезреть испачканную одежду. На лице господина с бородкой появилась лёгкая ироничная улыбка.

— Я думал, что ты привычен к таким местам и должен быть здесь, как рыба в воде, — сказал он своему неуклюжему сопровождающему.

— Господи, теперь придется пиджак чистить! Хорошо хоть очки не разбились, — ответил тот, продолжая оглядывать последствия столкновения с грузчиком.

Мужчина в сером костюме с бородкой ещё раз осмотрелся. На территории складов царило, на первый взгляд, хаотичное, но, на самом деле, подчиненное каким-то неизвестным законам и целям движение. Подводы приходили, уходили. Грузчики с мешками и без, как муравьи, двигались вереницами от дверей одних складов к дверям других. В воздухе царила непередаваемая смесь запахов, в которой угадывался керосин, деготь и запах свежей стружки. Внезапный порыв ветра на мимолетное мгновение подмешал к ним слабый аромат свежесвепеченного хлеба.

Их целью было длинное здание из красного кирпича с узкими, высоко расположенными, окнами, напоминавшими бойницы. Окна были закрыты ржавыми решетками. Ворота склада были из железа, но, в отличие от оконных решеток, покрыты свежей черной краской. Из распахнутых настежь ворот наружу выходили деревянные сходни, по которым грузчики возили тележки с мешками.

Обойдя подводу, нагруженую пенькой, мужчины вошли

внутри. Тот, что был полнее, продолжал отряхивать на ходу полы своего пиджака. На складе царил полумрак. Света, проникавшего через небольшие окна и распахнутые ворота, было недостаточно. Прямо в воротах стоял невысокий кудрявый человек в сюртуке, в котором пара мужчин распознала приказчика. Приказчик посмотрел на какую-то бумагу в руках. Затем он достал из кармашка часы, взглянул на них и печально вздохнул.

— Здравствуйте, нам нужен Николай Васильевич Канарейкин. Где мы можем его найти? — спросил бородатый.

Приказчик внимательно осмотрел их и указал рукой на деревянную контору, расположенную почти под крышей и чем-то напоминавшую большой открытый скворечник. К конторе вела железная лестница, прикрепленная к кирпичной стене.

— Он там, ждёт вас, господа.

Серый пиджак кивнул и, нагнувшись под лебедкой, направился к лестнице. Его спутник повторил маневр. С помощью лебедки несколько грузчиков укладывали мешки на верхние ряды.

В складской конторе было светло, поскольку она располагалась в углу здания, и у нее было два окна. Внутри у окон оказались железные ставни, которыми, при необходимости, можно было полностью закрыть зарешеченные окна. Посреди конторы стоял стол с письменными принадлежностями, вокруг которого были расставлены несколько стульев. В гла-

за бросалась большая вешалка для одежды, расположенная в углу помещения. Вдоль дальней стены от входа разместился деревянный шкаф без дверей, набитый бумагами разного размера. На одном из стульев, нога на ногу, сидел господин в строгом костюме и шляпе-котелке и нервно покачивал ногой в дорогом, до блеска начищенном, английском ботинке.

— Николай Васильевич Канарейкин? — спросил бородатый мужчина, входя в контору.

— Да. С кем имею честь? — с обезоруживающей улыбкой на лице поднялся со стула мужчина.

Он снял котелок и прижал его к груди, с любопытством разглядывая вошедших.

— Извольте, представляюсь. Я — Александр Флегонтович Мухин, а это — мой секретарь, — ответил бородатый господин.

— Как? Неужели сам директор Волжско-Камского банка? — удивленно воскликнул Канарейкин.

— Да.

— Но как такое возможно? Я ожидал кого-то из банка... Но сам директор! Какими судьбами? Вы прямиком из столицы?

— Нет, у нас в Москве есть представительство. Я был здесь и решил, пользуясь случаем, познакомиться с нашими московскими клиентами.

— Ах, господин директор, премного благодарен, но не стоило, наверное, отвлекать Вас на столь незначительные де-

ла, — любезно заметил господин Канарейкин.

— Заём в двадцать тысяч рублей мне не кажется чем-то незначительным.

— Ну что Вы! Для такого банка, как Ваш, банка с миллионными оборотами, это должно быть сущий пустяк.

— Однако, это уже второй такой заём у Вас за год, не так ли? — спросил директор банка.

— Дело расширяется: нужны деньги на закупку пшеницы в этом году, а свои средства, как Вы должны понимать, очень сложно вынуть из оборота...

— Поэтому, Николай Васильевич, я и решил познакомиться с Вами лично. Вы же из тульских Канарейкиных?

— Да, но я переехал в Москву и веду дела самостоятельно, отдельно от семьи, — ответил Николай Васильевич.

— Я знал Вашего батюшку. Как у него здоровье? — поинтересовался Мухин.

— Он не молод, знаете ли, но не плохо, спасибо. Не плохо. Но что же мы стоим, садитесь, пожалуйста, прошу. Извините меня, что принимаю вас в конторе, а не дома, — продолжил Канарейкин после того, как гости уселись. Но дом я купил недавно, и в нём ещё идет ремонт, а работник вашего банка, не этот что с Вами сейчас, а другой, по фамилии Фаламеев, он сказал, что нужно будет оценить склады и товар, как залог и гарантию. Вот я и решил убить двух зайцев. Вы уж простите меня, если доставил Вам неудобства, господин директор, но не ждал Вас. Не ждал.

— Это Ваш склад? — спросил директор банка.

— Да, мой.

— Странно, а господин Фаламеев, которого Вы недавно упомянули, говорил мне, что это склад братьев Кузьминых.

— Наверное, он ошибся, — задумчиво проговорил Канарейкин, — как я говорил, я недавно переехал в Москву и купил этот склад только в прошлом месяце. У Вас уже устаревшие сведения.

— Ох уж эти нерадивые работники, — недовольно покачал головой Мухин, — ни на кого нельзя положиться.

— Вы совершенно правы, — доверительным тоном произнёс Николай Васильевич и вздохнул. Всё приходится проверять самому.

— Но в этом и секрет успеха! Не правда ли?

— Конечно, как видите, дела идут, работа кипит. Я сам слежу за отгрузками по контрактам.

— Отлично! Тогда сразу перейдём к делу. Фаламеев Вам должен был передать гарантийные документы на подпись и, если не ошибаюсь, Вы готовы принести в залог Ваш новый дом в Москве и этот склад?

— Совершенно верно, он передал мне документы, я всё подписал. Вот они, — Канарейкин показал на стопку листов, лежащих перед ним на столе.

— Вы не будете возражать, если мы проверим залоговые документы и посмотрим заверителей векселя?

— Пожалуйста, пожалуйста, господа, — Николай Васи-

льевич протянул бумаги, которые забрал и тут же начал просматривать секретарь Мухина.

— Только... — начал Канарейкин.

— Только что? — живо отреагировал Мухин.

— Заверитель у меня один — мой батюшка. Он — клиент Вашего банка, и Вы сами сказали, что знаете его лично. Я подумал, что этого достаточно.

— Ну что же, посмотрим. Подпись заверителя верна? — обратился директор банка к своему секретарю.

— Похожа, но есть различия, — ответил тот, — а вот моя прямо один в один, не отличишь, даже секретную точку поставили.

— Что Вы такое говорите, господа? Вы меня оскорбляете своими подозрениями, — гневно высказал Канарейкин, привстав. — О чём вы?

— Вы успокойтесь, присядьте, Николай Васильевич, или как Вас там зовут по-настоящему. Дело в том, что я знаю не только старшего Канарейкина, но и Николая Васильевича тоже. Учился с ним в одной гимназии в Туле. И он на Вас совсем не похож, — Мухин не спускал глаз с нервно кусающего свои губы хозяина склада. Можете сами убедиться: вот он сидит рядом со мной на стуле. Совершенно другое лицо, согласны?

— Что происходит? Я, я...я протестую против такого обращения, — лже -Канарейкин снова привстал и навис над директором банка и его секретарём.

— Можете протестовать. Это не запрещено законом. Можете даже нанять адвоката, — сказал Мухин, тоже вставая, — потому, что Вы арестованы!

Мухин хотел сказать ещё что-то, но не успел. Мнимый Канарейкин оттолкнул его в сторону, выскочил из конторы и стал быстро спускаться, громко стуча каблуками ботинок по железной лестнице.

Полный мужчина, которого Мухин называл сначала секретарём, а потом Николаем Васильевичем Канарейкиным, одноклассником по гимназии, вскочил на ноги.

— Уйдёт, Ваня!

— Не уйдёт, — ответил следователь по особо важным делам Иван Трегубов, отдирая бородку, которая делала его похожим на директора Волжско-Камского банка, — не уйдёт, Блохин уже должен был перекрыть все выходы. Господи, как люди носят бороды, а эта ещё из самых маленьких. Еле сдерживался всё это время.

Трегубов отодрал приклеенные усы с бородой и с остервенением принялся чесать покрасневшие щёки.

— Я бы этого не делал, — посоветовал Канарейкин другу. — Только хуже будет, лучше промой водой.

Снизу послышался шум и крики. Трегубов усилием воли перестал чесаться, и они с Николаем Канарейкиным, тульским купцом, спустились вниз. Приказчик и грузчики сидели вдоль стены, рядом стоял городской.

— Я ничего не знаю! Мне просто заплатили за один день!

Я ничего не знаю! — негромко скулил приказчик, но никто на него не обращал внимания.

Полиция деловито осматривала склад, а фальшивый Канарейкин стоял между двумя агентами, один из которых, плотный рыжеватый мужичок в цивильном, увидев Трегубова, сразу к нему подошел.

— Всех взяли, Иван Иванович, никто не убёг, — отчитался агент Блохин. — Куда их везти, в часть?

— Думаю, что эти там ни к чему, — кивнул Трегубов на сидящих грузчиков, — допросите их здесь. А приказчика и господина заёмщика с фальшивым векселем и другими бумагами забирайте, нужно ещё прояснить все имена, всех сообщников и найти деньги по прежним делишкам.

— А Вы? — спросил агент.

— Я поеду к заместителю окружного прокурора, доложу о результатах. Дело о поддельных векселях держит на контроле сам министр юстиции: большие суммы по нему проходят...

Трегубов и Канарейкин покинули территорию замоскворецких складов, и, прежде чем искать извозчика, Иван обратился к своему другу.

— Коля, ты очень помог мне в этом деле, спасибо тебе. Но выручи меня ещё раз, я не успеваю на вокзал встретить сестру. Извинись от меня и проводи домой. Хорошо?

— Конечно, о чём речь. Встречу Софью. Буду только рад, сам сколько её не видел.

Через час Трегубов сидел на стуле в кабинете товарища окружного прокурора и наблюдал, как перед ним из угла в угол расхаживает Домерщиков.

— Что же, Трегубов, я вижу, что Вы делаете первые успехи на службе и под хорошим руководством когда-нибудь сможете соответствовать своему назначению, — назидательно говорил тот. — Вы просили вакацию? Я согласен. Пока полиция произведет остальные аресты, соберет документы и напишет отчёты по первичным допросам, езжайте отдохнуть. Только не забудьте оставить адрес в канцелярии, чтобы Вас могли вызвать, если понадобится.

— Я еду в Екатеринбург, — Трегубов вставил свои три слова в монолог прокурора.

— Вот как, не близко. Всё равно оставьте!

Дверь лавки открылась, и на пороге появился колоритно одетый персонаж — мужчина лет тридцати. Он вошел и застыл, словно ему нужно было отдохнуть от усилия, затраченного на открытие двери. Мужчина снял картуз с лакированным козырьком и надел его на железный шар, венчавший сверху толстую деревянную трость, затем он вытер со лба несуществующий пот. На его, изъеденном оспой, лице была надета маска полного равнодушия.

— Доброго дня, — сказал он, — жарко сегодня, не находите?

— Здравствуйте, — ответил молодой, высокий и рыжеволосый хозяин лавки. — По мне хорошая погода — жар костей не ломит.

Лавочник рассматривал посетителя. Несмотря на то, что по отдельности и шелковая рубашка, и начищенные до блеска сапоги, и золотая цепь часов поверх жилета смотрелись rispetабельно, всё вместе это выглядело крикливо и аляповато. Посетитель прислонил свою трость к прилавку и взял в руки одну из книг.

— Может что-то посоветуете? — спросил он и поднял свои бесстрастные серые глаза на хозяина.

— Какие жанры Вас интересуют?

— Что-нибудь жизненное. «Разбойник Чуркин» Пастухо-

ва у Вас имеется?

— Да, целых четыре тома. Вам какую именно книгу? Знаете название? Только всё это совсем не жизненное, скорее на сказку похоже.

— Отчего же? — изобразил удивление посетитель, продолжая смотреть на лавочника.

— Никогда не встречал благородных разбойников.

— Вы молоды, может, всё ещё впереди.

— Так какая книга про Чуркина Вам интересна? — переспросил хозяин лавки, не желая вступать в пустую полемику со странным покупателем.

Но ответ он получить не успел. Дверь снова открылась, и в магазин вошёл молодой усатый парень в грязной рубаше и мятом картузе набекрень. В глаза сразу бросились начищенные сапоги, как и у предыдущего посетителя. Парень, не говоря ни слова, подошёл к прилавку и взял с него какую-то книгу. Не глядя на неё, он осмотрелся в помещении, а затем выронил книгу, но тут же взял другую, которая точно также быстро последовала на пол лавки вслед за первой.

Лавочник на секунду застыл в оцепенении от подобного поведения. Тем временем вошедший уронил третью книгу.

— Любезный, послушайте, что Вы такое себе позволяете! — возмутился хозяин, выходя из-за прилавка.

Парень повернулся к нему лицом и в то же время ногой в своём блестящем сапоге резко толкнул стол с разложенными книгами. Книги полетели в разные стороны. Затем, не про-

ронив ни слова, он быстро развернулся и вышел, хлопнув дверью. Хозяин лавки побагровел от гнева и собрался было кинуться вслед за хулиганом, но его остановил голос первого посетителя лавки.

— Совсем распоясались эти мазурики, не находите? Хорошо ещё что не плеснул керосином и не поджег. Представляете, что было бы? — мужчина обвёл помещение бесстрастным взглядом.

— К чему Вы клоните? — прямо спросил его хозяин, начавший подозревать, что этот разговор затеян не просто так.

— Я к тому, Прохор Никанорович, что Вас предупреждали ещё полгода назад: надобно ставить лавку под догляд, иначе всякое может случиться.

— Откуда Вы знаете моё имя?! Кто Вы?

— Неважно кто я, важно, что я желаю Вам добра, — бесстрастно сказал посетитель лавки. — Поверьте, мне очень не хочется, чтобы с этими прекрасными книгами приключилась беда.

— И как же её избежать, дадите совет? — уперев руки в бока, спросил Прохор.

— Вы должны погасить долг за полгода.

— Долг? — брови лавочника от удивления поползи вверх.

— Всего то тридцать рублей. Чай мы не разбойники какие, а наоборот, люди, которые защищают Ваше имущество.

Прохор Никанорович вновь покраснел от гнева. Он опустил руки, которые непроизвольно сжались в кулаки.

— Знаете, что сударь, — проговорил он дрожащим от негодования голосом, — я Вам тоже дам добрый совет: убийтесь подобру-поздорову восвояси.

Лавочник сделал шаг в сторону мужчины. Тот быстро одел картуз и, держа тяжелую трость с железным наконечником правой рукой, положил её в ладонь левой руки.

— Ну-ну, спокойнее, Прохор Никанарович, — угрожающе сказал он.

— Вон!

— Вижу мы с Вами друг друга не поняли, — зло проговорил посетитель лавки, на лице которого впервые проявились эмоции.

Он надменно и нарочито медленно вышел из лавки, а затем, не торопясь, пошёл прочь от неё. Лавочник выскочил, провожая взглядом удаляющуюся фигуру, и тут заметил на перекрестке скучающего городского. Он бросился к нему и начал жаловаться.

— Послушайте, вон моя лавка, мне только-что угрожали, что её сожгут, если я не заплачу денег.

— Кто угрожал? – городской оглядел с головы до ног Прохора, словно пытаясь по внешнему виду определить, кто перед ним стоит.

— Вот тот человек, видите? — Прохор указал на удалявшегося мужчину, который в этот момент обернулся и бросил взгляд на беседующих лавочника и полицейского.

— Свидетели разговора есть? – спросил городской, по-

смотрев в указанном направлении.

— Нет.

— Нет? Тогда чего же Вы хотите? — городской перевел взгляд на Прохора.

— Арестуйте его!

— За что? Он что-то сделал?

— Нет. Но обещал сделать.

— Когда сделает, тогда мы его и арестуем.

— Но будет уже поздно, я же говорю, что он хочет сжечь мою лавку.

— Нельзя арестовать человека, который ничего не сделал.

— Но мне-то что делать? Вдруг он придёт и осуществит свои угрозы.

Городовой задумался, ещё раз осмотрел Прохора, бросил взгляд на лавку и угол улицы, за которым только-что скрылся незнакомец с тростью.

— Хотите честный совет? — наконец заговорил полицейский.

— Конечно!

— Заплатите им.

— Но Вы же должны защищать имущество граждан.

— Полиция не может круглосуточно охранять Вашу лавку. Если хотите, наймите охрану, но, думаю, что дешевле будет заплатить.

— Что же это такое, — разочаровано пробормотал лавочник и направился к себе в магазин. — И это Москва!

Прохор посмотрел на перевернутый стол и разбросанные по полу книги, а затем бессильно опустился на стул. Конечно, он знал, что все соседние лавки платят дань. Знал все последствия, какие могут быть, если не платить. Знал он и то, что полиция смотрит на такие поборы сквозь пальцы, а иногда и сама получает с них мзду. Однако до этого момента Прохор Никанорович безосновательно думал, что его сия участь минует. Почему? Наверное, как и все люди, он был в душе оптимистом, и пока беда не пришла, старался не думать о плохом.

Но что теперь ему делать? Лишних денег сейчас у него не было. Чтобы поддерживать ассортимент, он влез в долги и был должен издателям, а нет ассортимента – нет продаж, в лавку никто не ходит. Пару раз он по неопытности ошибся, и часть книг лежала теперь мертвым грузом, который он не мог продать даже себе в убыток.

Попросить денег у отца, который крайне негативно воспринял идею Прохора открыть в Москве книжную лавку? Для него это только аргумент и рычаг вернуть сына в семейные дела по золотодобыче, будто бы отцу не хватало его братьев. Но другого выхода Прохор не видел. Придется просить деньги. Лавка была для него не просто магазином, который мог приносить доход. Это была страстная идея, которая полностью захватила все мысли и мечты. Сколько усилий уже приложено, сколько препятствий он преодолел! И вот когда казалось, что всё постепенно идёт на лад, при-

ключилось это. Тридцать рублей, не бог весть какие деньги. Но прямо сейчас взять их ему негде. Билеты на поезд и пароход уже куплены. Если бы он не решил съездить домой, у него были бы эти несчастные тридцать рублей. Он оглядел свои книги. Если продать в полцены наиболее ликвидные, он выручит даже больше, чем тридцать рублей. Но что потом? Потом останется только закрыться, а это для Прохора было неприемлемо.

— Жениться тебе пора, Ваня, — безапелляционно заявила Софья, сильно похудевшая за прошедшие полгода, пока Трегубов не видел свою сестру, — господи, это же везде грязь, и всё вверх дном. Стоило только уехать!

Трегубов перед приездом сестры прилежно прибрался в квартире. Сначала сам, а после этого ещё заплатил за уборку квартиры женщине, которая зарабатывала себе на жизнь уборками арендных квартир после постояльцев. Она стерла всю пыль, отмыла пол, окна и привела в порядок остальную мебель. Сейчас Иван смотрел на чистую и сверкавшую, по его собственному мнению, квартиру и пытался понять, что именно здесь «вверх дном», и где конкретно сестра увидела грязь. Через минуту размышлений он сдался. Похоже некоторые вещи навсегда останутся вне его понимания, проще принять их на веру.

— Чемоданы проверил? Тёплое бельё не забыл положить?

— Зачем мне тёплое бельё? Лето на дворе! – возразил сестре Иван.

— Ваня, ты едешь в Сибирь! Это не шутки, чай простудишься и заболеешь! Гляди как исхудал без меня, пиджак как на вешалке висит. Это потому, что некому тебе готовить, небось всухомятку всё... На Николая твоего любо дорого посмотреть, сразу видно — семейный человек.

— Софья, во-первых, Екатеринбург на Урале, а не в Сибири, а во-вторых, где же мне невесту найти, не в полиции же, — попытался отшутиться и сменить тему Иван.

— Твоя правда, — сказала Софья, она прекратила представлять вазы с места на место, села на стул, опустив руки на колени, и участливо посмотрела на брата, — у тебя там одни преступницы поди, нужно тебе подыскать подходящую девушку. Вот у нас в Петербурге есть одна, из хорошей семьи...

В этот момент в дверь постучал дворник и сообщил, что извозчик ждёт на улице. Иван посмотрел на него с искренней благодарностью, обнял сестру на прощание, а затем подхватил свои чемоданы.

Прохор Никанорович Ефимов ждал Трегубова на вокзале. Это был владелец книжной лавки, куда частенько любил наведываться Иван, чтобы не просто купить книгу, а ещё обсудить новинки с умным и прозорливым собеседником. Ефимов происходил из богатой уральской семьи, сколотившей своё состояние на добыче золота. Закончив коммерческий университет в Москве, Прохор Никанорович решил не идти по проторенной стезе, а избрал свой собственный жизненный путь, открыв книжную лавку. Некоторое время назад он пригласил Трегубова посетить его родные места на Урале, где сам не был уже почти год. Иван, обдумав предложение со всех сторон, согласился его принять, чтобы сменить обстановку и отдохнуть от московской суеты. К тому же он

не хотел стеснять сестру, которая тоже приехала в Москву отдохнуть и навестить своих подруг. Перед началом лета все квартиры в их доме были сданы, а поселиться ещё где-то он не хотел, поскольку переезд предполагал множество бытовых проблем. По причине всех этих обстоятельств Иван посчитал, что провести каникулы будет и интереснее и практичнее. Трегубов предвкушал путешествие на Урал, где он никогда ещё не бывал.

В описываемые времена, добраться из Москвы до Екатеринбурга можно было тремя основными способами. Самым традиционным был Сибирский тракт, конная дорога, проходившая через Владимир, Казань и Пермь. Однако, такая дорога могла занять до трех недель, и не сказать, чтобы она отличалась повышенным комфортом, поэтому не рассматривалась Иваном и Прохором в принципе. Вторым вариантом был железнодорожный путь. Но Вятский участок дороги должны были начать строить только через два года, а посему нужно было ехать с пересадками через Самару и Уфу. Быстрее, чем Сибирский тракт, но опять-таки никакого удовольствия от путешествия не предвиделось. Ввиду вышеизложенного, молодые люди выбрали самый удобный и популярный в летний период маршрут, а именно: первым классом до Нижнего Новгорода, оттуда на пароходе по Волге и Каме до Перми, а из Перми в Екатеринбург по недавно запущенному участку Уральской железной дороги.

Сдав чемоданы в багажный вагон, путники уютно устро-

ились на мягких диванах железнодорожного вагона, и Прохор Никанорович, со свойственной ему прямотой, предложил Трегубову сократить между ними дистанцию, то есть, перейти на ты. Иван был не против: настроение у него было приподнятое, хотя о водной части пути у него сохранились не самые хорошие воспоминания. Когда он путешествовал на пароходе по этому маршруту, то стал свидетелем трагической истории и нескольких смертей.

— Послушай, ты никогда не видел такой природы, уверяю тебя. Не хочу обидеть вас, москвичей, но у нас такая красота, которой вы даже представить не можете.

— Я родом из Тулы, а не из Москвы, — поправил спутника Иван.

— Разница небольшая, на мой взгляд, — небрежно возразил Прохор.

— Не соглашусь.

— В любом случае, у нас ты отдохнешь от всех своих дел. Это я тебе обещаю, — опрометчиво продолжил Ефимов.

— Да уж надеюсь, последнее дело было крайне ответственное и щекотливое, а стало быть, нервное.

— Что за дело? — заинтересовался Ефимов.

— Почему бы и не рассказать. Некоторое время назад появился новый тип преступлений, вернее, он и раньше был, но стал очень популярным в криминальной среде. Мошенники по поддельным векселям получают в банках крупные займы и исчезают с деньгами. Действуют они всегда по од-

ной схеме, поэтому мы решили, что это одна и та же группа злоумышленников.

— И много они так похитили денег?

— Очень много, — ответил Иван, — причем в очень уважаемых банках.

— Но как же так: для векселя нужны подписи поручителей. А банк всегда оценивает нового заемщика. Или я что-то путаю?

— Верно. Только они брали кредит от имени уже существующего клиента банка.

— И вам удалось раскрыть эти преступления?

— Надеюсь, что уже да, — ответил Трегубов.

— Но как? — спросил Прохор.

— Мы подумали и пришли к выводу, что в каждом банке должен быть подкупленный работник, который предоставляет преступникам списки клиентов и их поручителей, а также образцы их подписей.

— Выглядит правдоподобно.

— И вот в одном из банков, не могу выдавать название, у нас уже был на подозрении такой человек, и я попросил своего друга, купца из Тулы, сделать фальшивый заем, именно через этого работника банка. Мы прождали совсем недолго. Мошенники попытались сделать повторный заем от его же имени. Они даже арендовали склад и наняли рабочих, чтобы придать вид достоверности деятельности, под которую берется заем, и назначили там встречу с представителями бан-

ка.

— Прямо как постановка в театре!

— Именно! Там, при помощи замоскворецкой полиции, мы и задержали двух членов этой шайки. Надеюсь, что они выдадут нам остальных подельников. Этим сейчас занимается полиция.

— Что же, поздравляю! Оказывается, у вас интересная служба. А я-то, грешным делом, думал, что вы ловите только душегубов и жуликов с рынков.

— Их тоже. Ещё много происшествий происходит без начального злого умысла. Например, пришли двое в трактир друзьями, выпили, повздорили и стали злейшими врагами из-за сущей ерунды. Один другого пырнул в живот, протрезвел, раскаялся. Для нас это тоже работа: свидетели, отчёты, суд. Поэтому я не скажу, что служба очень интересная, но надеюсь, что хотя бы полезная для общества. Вот литература — это действительно интересно! Если продаешь книги, можно, наверное, все их читать. Первым получать новинки...

— Всего не прочитаешь, но мне это действительно интересно, хотя иметь собственный магазин непросто, — грустно вздохнул Прохор, вспомнив о своих проблемах. — Думаешь, например, если тебе нравится писатель, то понравится и другим. Но не тут-то было: купишь его книги в продажу, предполагая прибыль, а нет, книги лежат и не продаются. Публика она моде следует. А ты попробуй угадать, что будет в моде завтра. Непросто это всё, Иван Иванович, ой как

непросто.

Ефимов что-то вспомнил, замолчал и задумался о чем-то своем невеселом под мерный перестук колес поезда.

— Может, лучше было остаться и добывать золото? — нарушил его размышления Трегубов.

— Нет и ещё раз нет, — твердо ответил Прохор, — я верю, что будущее в книгах, в знаниях. Знания — это настоящая ценность, они меняют нашу жизнь. Поезда, пароходы, электричество. Кто бы мог подумать раньше, что человек в Петербурге может разговаривать с человеком в Москве будто бы они рядом. Мне очень интересно заниматься книгами, они сосредоточие новых знаний и накопленного опыта. А золото? Оно и при царе Горохе было золото. Тем более там, дома, есть кому его добывать.

— И много его в Екатеринбурге?

— Золота? Очень много. Больше, чем ещё где-либо в мире. Золото у нас на Урале нашли ещё в прошлом веке. Сначала прииски открывались стихийно, потом в добычу вмешалось государство, затем постепенно всё под себя подмяли крупные добытчики Харитоновы, Рязановы и другие. Сейчас там множество компаний, старателей и просто рабочих, которые работают за гроши. Мне на это смотреть неприятно, и это одна из причин почему я не хочу этим заниматься. Городом управляют богатые купцы. Представь себе: народ в шахте по колено в воде за еду работает, а эти коней в шампанском купают. Нет справедливости в мире.

— Так это не легенда, про коней и шампанское?

— Не знаю, сам при этом не присутствовал, — ответил Прохор, — но рассказывают, что было такое. Понимаешь, как бы тебе объяснить, с одной стороны, золото даёт доход всей губернии, с другой стороны, много зла от него. Хотя, может дело не в золоте, а просто натура человеческая такая: только дай повод. Так что законы там отличаются от столичных. Это нужно понимать, быть готовым. Там свой мир. Пятнадцать лет назад, как стали отдавать казенную добычу в частные руки, влияние купеческих семей выросло ещё больше. Они теперь как местные князья и цари. Вырос и объем добычи, количество приисков и количество старателей. Газеты пишут: на приисках и фабриках сейчас пятьдесят тысяч рабочих.

— Ого, не думал, что Екатеринбург такой большой! Интересно, сколько же там золота добывают?

— Семьсот пятьдесят пудов в прошлом году.

— Не могу даже представить себе, сколько это, верно, целая гора, — честно признался Иван. — А твоя семья давно этим занимается?

— Не так давно, как известные золотодобычей семьи. У некоторых старателей уже несколько поколений сменилось. Начинали деды на одном прииске, он истощился, пошли дальше, потом сыновья, потом внуки. Те, кто разбогател, могут не мыть песок, а нанимать рабочих и разрабатывать целые золотые жилы. Мой отец стал старателем, ещё когда мо-

лодым был. Может, моложе, чем я сейчас. Начинал не один, с друзьями. Повезло им — нашли хорошее место на Мраморной реке. Сначала сами добывали. Потом отец ещё несколько приисков открыл, нанял людей. Так и пошло. Как говорится, богатство к богатству. Сейчас ему Иван помогает, старший брат мой. Единственный, кому в семье отцовская страсть к золоту передалась. Похож он на отца и по натуре своей и лицом, горяч только излишне.

— Он самый старший ребёнок в семье?

— Нет старшая Федосья, она, как мать нам была. Вечно о младших заботилась, а сама так замуж и не вышла, своих детей нет. Матушка при родах Арины умерла.

— А сколько Вас всего братьев и сестёр? — заинтересовался Иван.

— Две сестры — Федосья и Арина. Старшая и самая младшая. Иван — старший брат, я и ещё два брата. Харитон и Трофим, — Прохор задумался, погружившись в воспоминания, — Трофим, он как блаженный.

— Что это значит? — не понял Иван.

— Увидишь. Добрый очень и спокойный, не от мира сего. А Харитон, даже не знаю, чем занимается сейчас. За что бы не брался, через неделю бросает. Ветер в голове гуляет. Может, женится и тогда остепенится.

Ивану это напомнило намерения его собственной сестры познакомить его с подходящей для замужества девушкой. Конечно, он и сам понимал, что в его возрасте пора уже об-

завестись семьей, но пока он ещё не встретил ту самую. Хотя, быть может, он слишком привередлив в своём выборе.

— Большая у тебя семья, Прохор. У меня из родных только сестра младшая, в Петербурге живёт. Сейчас она в Москву приехала на время.

— Да, я помню, ты говорил. На Урале большие семьи не редкость. Но и умирали раньше много. У меня мог быть ещё один старший брат. Если бы в младенчестве не помер. Тогда денег у батюшки ещё не было, жили натурально в сарае, а зимой то холодно.

Так за обсуждением различных аспектов жизни, волновавших собеседников, они добрались до Нижнего Новгорода, где их ждал пароход кампании «Меркурий». Трегубов лично сделал выбор — ему не хотелось снова оказаться на судне кампании «Самолёт», хотя он и не был суеверным. Тем не менее, помимо своей воли, Трегубову вспомнилась Ольга, которая сошла на этом самом причале, в Нижнем Новгороде, после смерти своего брата. В этот раз, к удовольствию Трегубова, речное путешествие обошлось без происшествий, и Иван смог насладиться и своим пребыванием на пароходе, и компанией Прохора, с которым они проводили время за приятными беседами.

Пермь — главный город губернии, оказался значительно больше и красивее, чем представлял себе Трегубов во времена своего назначения в этот город судебным следователем. После окончания учёбы Ивана распределили в Пермь,

но из-за ряда происшествий, произошедших на борту парохода кампании «Самолёт», он в итоге оказался в Москве, а не в Перми. Чему, безусловно, был тогда очень рад. Поэтому сейчас Трегубов с особым чувством смотрел на пермские улицы, на Каму, по которой в центральную часть страны шел поток разнообразного металла с Урала и из Сибири, и представлял себе, как бы он здесь жил, повернись всё тогда иначе.

Нужно сказать, что город ему понравился. Однако, для себя Иван отметил, что провинциальный налет был здесь замечен гораздо сильнее, чем в его родной Туле. Хотя, кто знает, быть может, наш молодой следователь слукавил, присваивая родному городу несуществующие качества, как, впрочем, это сделали бы многие в похожей ситуации.

Что касается Прохора, то виды из вагона на участке Пермь-Екатеринбург, заметно повысили его настроение и стёрли с лица периодически возникающие выражения озабоченности, которые в самом начале пути подметил Трегубов.

Прохор приближался к своим родным местам, к своим близким людям, и сейчас это отодвигало все проблемы на второй план. Иван, с неподдельным интересом смотревший в окно, безоговорочно согласился с другом, что ещё ни разу, путешествуя на поезде, он не видел столь удивительного ландшафта, который просто просился быть запечатлённым на полотне каким-нибудь великим пейзажистом.

— Я впервые сожалею, что не умею рисовать, — так прокомментировал увиденное Трегубов.

Путь из Москвы до Екатеринбурга занял у друзей чуть более восьми дней. Забрав багаж, путешественники вышли на привокзальную площадь.

— Смотри, какой вокзал построили, красота, — Прохор обратил внимание Трегубова на здание городского вокзала первого класса, — не хуже, чем в Москве!

Ефимов казался настолько счастливым, что Трегубову оставалось только с ним согласиться, при этом почти не кри-
вя душой.

Следователь по особо важным делам Николай Васильевич Сахаров был крайне озабочен. Он нетерпеливо ждал. Наконец Алексей Александрович Лопухин, новый товарищ прокурора окружного суда в Москве, только что переведенный сюда из Рязани, освободился и появился в коридоре суда. Сахаров пошёл ему наперерез и поздоровался.

— Здравствуйте, здравствуйте, Николай Васильевич, — Лопухин внимательно посмотрел сквозь стёкла очков на Сахарова и замедлил шаг, — чем обязан? Я очень спешу.

— Я надолго не отвлеку, но, по моему разумению, вопрос важный.

— Хорошо, — товарищ окружного прокурора остановился и пригладил указательным пальцем правой руки свои большие и ухоженные усы, — я слушаю, только недолго, прошу Вас.

— Вы знаете следователя по особо важным делам Трегубова Ивана Ивановича?

— Не имею чести знать, а что?

— Он вел дело по подложным банковским займам.

— Ага, я понял о ком Вы говорите. Тот, который произвел арест в Волжско-Камском банке. Мне рассказывали о нём. Очень ловкий молодой человек, судя по тому, как он произвёл этот арест.

— Да, я тоже к нему расположен, — сказал Сахаров.

— Так в чём вопрос?

— Человек, которого арестовали убит.

— Как так? — удивился Лопухин.

— Какой-то растяпа перевел его в общую камеру, мол фигура не видная и не знатная и нечего отдельную камеру занимать. Там вспыхнула ссора, и его зарезали, Вы же знаете, как такое бывает.

— Знаю. Но он же успел дать показания, назвать своих подельников.

— Успел, и именно это могло стать причиной его смерти.

— Месть?

— Возможно, месть, а, возможно, убирают свидетелей, — размах дела то какой!

— И что из этого следует, пока не понимаю, куда Вы клоните, Николай Васильевич?

— Сейчас объясню. Мне рассказали в канцелярии, что некто пытался выяснить адрес Трегубова, мол для него важное срочное письмо. Там ему ответили, что письмо всё равно доставить сейчас не получится, поскольку Иван Иванович в Екатеринбурге. Предложили оставить письмо, чтобы передать его Трегубову, когда тот вернется. В ответ этот господин развернулся и ушёл. Письма не оставил, адрес дальше не стал допытывать.

— Это, действительно, выглядит странно, но не более того, — пожал плечами Лопухин.

— А мне думается, что это может быть связано с убийством в тюрьме.

— Я так не думаю, но понимаю, что Вы хотите что-то предложить?

— Предупредить Ивана Ивановича и выделить ему кого-то в охрану в Екатеринбурге, хотя бы временно, пока мы не разберемся с убийством свидетеля.

— Предупредить предупредите, а ставить охрану к каждому чиновнику, который перешел дорогу преступникам, это никакой полиции не хватит. К тому же Вы дуете на воду. А сейчас извините, мне действительно пора, Николай Васильевич, — Лопухин повернулся и быстро ушёл.

Сахаров вздохнул и задумчиво посмотрел вслед новому товарищу прокурора окружного суда. Его не отпускало тревожное предчувствие, основанное не на фактах, а скорее на интуиции и опыте.

Оказалось, что дом Ефимовых находится в нескольких верстах от города. Иван задумался было как им туда добратся, но у вокзала уже ждала выдавшая лучшие времена облезлая дрожка. Можно было с трудом угадать, что когда-то она была мягкого зеленого цвета. Как только друзья вышли из вокзала, с дрожки, кряхтя, спустился небольшой, ещё совсем не старый, мужичок. Одет он был в латаный кафтан-борчатку черного цвета и черные же штаны, заправленные в сапоги. Голову венчал серый картуз. Вокруг носа-картошки во все стороны торчала неаккуратно подстриженная борода. Маленькие глазки мужичка хитро блестели, рассматривая прибывших путешественников.

— Здорово, Сидор, — обрадовался Ефимов. — Что смотришь? Аль не узнаешь? Я уж подумал, батюшка забыл, и придётся извозчика брать.

— Извозчика брать? Да, кто же, Прохор Никанорович, поедет из города в нашу глухомань? — искренне удивился мужичок. — Давайте ваши вещи, и пора ехать, чтобы затемно добраться до дому.

Сидор взял чемодан Прохора, полностью проигнорировав Трегубова, и направился к дрожке, в которую была впряжена гнедая кобыла. Иван хмыкнул под нос и сам потащил свои чемоданы вслед за Сидором и Прохором.

— Как батюшка? Здоров ли? — спросил Ефимов кучера, как только они сели на единственное пассажирское сиденье дрожки.

— Никанор Власович такой человек, что ни раны, ни болезни супротив него ничего сделать не могут, — не поворачиваясь ответил Сидор, а затем прикрикнул на лошадь, которой видимо трудно было тащить на подъём трех мужчин с багажом.

— Да, я знаю, но батюшка уже в годах, всякое может случиться, — пояснил Прохор.

— Ваша правда, хворь — она такая: приходит, когда не ждёшь.

— Как вообще дома? — спросил обеспокоенный Ефимов, — как братья, сёстры?

— Все тоже здоровы, слава богу!

— Что нового расскажешь?

— Нового? — задумчиво переспросил Сидор. — Снег в этом году рано сошёл, а потом заморозки были по ночами. Думали поляжет рожь, ан нет. Взошла. А вот с ячменем беда приключилась, земляная блоха попортила... Хотя бы кобылки в этому году меньше стало...

— Я про домочадцев, — перебил кучера Прохор. — Что нового у родных?

— Ах, про домочадцев? Извиняйте, не понял сразу, всё про наше мужицкое. Про домочадцев что же сказать. Арина Никаноровна в тягости, заметно уже стало.

— Ага! Сестрёнка — молодец, значит, скоро племянник появится, — обрадовался хорошей новости Ефимов.

— Или племянница, — философски добавил Сидор, оглядываясь по сторонам.

Дрожка выехала из города через зеленое поле по засохшим колеям дороги, проделанным в ней во время дождей. Подскакивая на колдобинах, она двигалась прямо в сторону леса, закрывавшего горизонт. На голубом небе висели несколько ватных облаков.

— Или племянница, — согласился Прохор.- Скоро всех увижу.

— Харитона Никаноровича нет нынче дома, — обронил кучер.

— Нет, а где же он?

— Говорят, в Пермь уехал.

— Что же он там делает?

— Этого знать не могу. Извиняйте.

— Ладно, Сидор, не томи. Не верю я тебе, что не судачат о братьях между слуг.

— Ваша правда, судачим, только ничего хорошего сказать не могу.

— Скажи, как есть.

— Загулял, говорят, Харитон Никанорович, дело такое молодое, — Сидор снова огляделся вокруг.

Дрожка неторопливо въехала в лес, и Трегубов благодарно вдохнул прохладного лесного воздуха. Всё же в поле, на-

гретом за день, было немного душно. Лето было в самом разгаре, ветра не было, полный штиль. Дорога тем временем сузилась до расстояния между колесами экипажа, но при этом стала более ровной, и друзья стали меньше покачиваться и подскакивать на кочках. Редкий лес, что был близ полей, сменился на непроходимую чащу. И слева и справа выросла стена деревьев, сквозь которую просматривался только валежник. Дорога резко свернула направо, и деревья слегка отступили от нее, внезапно открыв небольшие светлые проплешины в лесу.

— Кто это? — удивленно воскликнул возница дрожек.

Навстречу путникам выехали два всадника. Бородатые мужики в фуражках с серьезными лицами. Тот, что был чуть впереди на вороном жеребце, был одет в холщевую рубаху и держал в правой руке охотничье ружье. Второй, на белой кобыле, немного отстал и сейчас привстал на стременах, чтобы лучше рассмотреть пассажиров дрожки, поперёк его седла лежала старая берданка. Сидор вынуждено придержал свою гнедую, чтобы не наехать на всадников, которые разделились и приблизились к путникам с двух сторон, стоило дрожке остановиться.

— Кто такие? — зычно гаркнул всадник на вороном коне, держа ружьё наготове.

— Что значит кто такие, а вы сами кто будете? — возмутился Трегубов.

— А ну слазь, — приказал второй, приподняв с седла бер-

данку.

Трегубов хотел сказать ещё что-то, но Ефимов положил ему руку на плечо и сжал его. Иван понял, что момент для возмущения не подходящий. Он надеялся на то, что их лишь ограбят. Друзья вылезли из дрожки. Рядом, но чуть позади, встал Сидор. Его глаза метались словно в поисках пути для побега.

— Ещё раз спрашиваю, кто такие? — повторил всадник.

— Я — Прохор Ефимов, еду домой, а это мой друг Иван Трегубов, — стараясь говорить спокойно, ответил друг следователя.

— Ефимов? Никаноров сын что ли? — переспросил второй мужчина, на белой кобыле.

— Да, — ответил Прохор, в его голосе почувствовалось легкое облегчение.

— Кто с тобой?

— Это наш конюх, Сидор.

— Нет, я про Трегубова. Он кто? Документы есть?

— Он наш гость, следователь из Москвы.

— Следователь, давай, показывай документы!

— С какой стати, — снова не смог сдержаться Трегубов.

— Что Вы себе позволяете?

Кто знает, чем бы всё закончилось, если бы в лесу не раздался выстрел. Все вздрогнули от неожиданности, а оба всадника сразу насторожились.

— Присмотри за ними, я узнаю, что случилось, — сказал

тот, что был на вороном коне.

Он развернулся и ускакал вперед. Второй мужчина с берданкой остался рядом с дрожкой, наблюдая за тремя путниками и одновременно прислушиваясь к звукам леса. Но кроме выстрела больше ничего не было слышно. Затихшие было птички возобновили свои трели.

— Послушайте, — заговорил Прохор, — Вы же знаете мою семью...

— Сейчас лучше помолчать, — оборвал его всадник, продолжая прислушиваться, словно ожидая чего-то.

Трегубов не знал, сколько прошло времени, сколько они так простояли, ожидая, что будет дальше, когда послышался приглушенный стук копыт. Показались несколько всадников. Впереди всадник на вороном коне, рядом с ним седой дед с прямой спиной и жестким взглядом бесцветных глаз. На боку его лошади была кобура, откуда торчала рукоять револьвера. Оба всадника вели на поводу двух лошадей, на седлах которых Трегубов с удивлением увидел связанных мужчин. Они лежали животами поперек сёдел, к которым были ловко привязаны. Но ещё больше Ивана поразила фигура замыкающего. Плотная усатая фигура в мешковато сидевшей форме полицейского пристава.

— Взяли его? — с надеждой спросил всадник, оставшийся охранять пассажиров дрожки.

— Нет, это татары, что в прошлом месяце увели лошадей с приисков, шалаш построили в лесу, — ответил человек в

полицейской форме и тут же заметил троицу у дрожки. А это что такое?

— Это я, Осип Никифорович, — ответил на вопрос Ефимов.

— Прохор? Что ты тут делаешь? — удивился Осип Никифорович. — Разве ты не в Москве?

— Как видите, нет. Мы можем ехать дальше?

— Да, конечно, — немного растерянно сказал полицейский.

— Но мы не знаем кто с ним, — всадник на вороном жеребце указал ружьем на Трегубова.

— Это мой друг — следователь из Москвы, — ещё раз представил Ивана Ефимов.

— Следователь? — брови пристава поползли вверх. — А документ у твоего друга имеется?

Трегубов достал паспорт и подошёл к полицейскому. Тот недоверчиво взял документ и принялся его рассматривать, бросая периодические взгляды на Трегубова.

— Добро пожаловать на Урал, Иван Иванович, — сказал пристав, сверив приметы.

— Из-за чего всё это? — спросил Иван, забирая паспорт. — Что-то случилось?

— Да, Вы уж не обижайтесь на моих людей, с тракта сбежал каторжник, опасный преступник, вот все и на нервах. А Вы по служебным делам к нам?

— Нет, на отдых.

— Тогда хорошего отдыха и осторожнее на дороге, — сказал пристав Трегубову, а потом повернулся к своим людям. — Всё, поехали, отвезем их в часть, а затем снова на поиски. Ещё есть время до темноты.

Всадники объехали дрожку и направились в сторону Екатеринбургa. Трегубов проводил их взглядом и повернулся к Ефимову.

— Не скучно тут у вас.

— Я же говорил, — залезая в дрожку, ответил Прохор. — Сидор не стой истуканом.

— Кем? — не понял кучер, но быстро залез на козлы и проворчал, — лучше бы клещей остереглись, шастают по лесу...

Пробираться сквозь кусты и валежник, раздирая не только остатки одежды, но и собственную кожу, занятие не из приятных. Но когда речь идёт о выживании, то у человека просыпается всё то, что, как нам кажется, надёжно спрятано под налётом цивилизованности. Он тоже не подозревал в себе многих качеств. Но достаточно было провести в лесу всего одну ночь, как в его организме включились скрытые резервы.

Беглец понимал, что ночью ему просто повезло не только потому, что он не стал добычей волков или медведя, а ещё потому, что он не попал на болотистое место, где его за ночь бы сожрал гнус или укусила гадюка.

Молодой мужчина в порванной одежде был сейчас между приисками и городом, поэтому предполагал, что крупных хищников здесь должно быть меньше, из-за активного присутствия человека. За прошлый день он заметил только небольшую рысь. Гораздо сильнее его беспокоили другие хищники этого леса — люди, которые вели сейчас охоту. Охоту на него.

Людям тоже попадаться было нельзя: в худшем случае его сразу убьют, в лучшем — он проведет несколько последних лет жизни в шахте на приисках, пока не умрёт от холода, болезней и истощения. Быстрая смерть и медленная смерть. Ни

один из этих вариантов его не устраивал, поэтому он продолжал буквально продирается сквозь кусты, оставляя на них клочки своей кожи и вытирая с лица пот, смешанный с кровью.

Если вчера его мысли метались, и он бежал куда глаза глядят, то сегодня беглец уже начал адаптироваться к своему положению. Он представлял, как выглядит сейчас, и понимал, что в городе в таком виде появляться опасно. Однако, предполагал, что на приисках его могут начать искать в первую очередь. Подумают, что он не сунется в город, где его легко будет найти.

Беглец хотел есть, он ничего не ел уже второй день. Жажда не было, он пересек несколько ручьёв и успел напиться. Стоило подумать о еде и, словно в издевку, его нос почувствовал запах жаренного мяса. Не может быть! Это мерещится после ночи в лесу. Не нужно было даже думать о еде. Однако, ноги сами повернули в сторону запаха. Через несколько минут среди деревьев показался просвет. Мужчина стал переступать осторожнее. Впереди показалась небольшая поляна. Он опустился на четвереньки и, не обращая на боль в ладонях и коленях, осторожно прополз через кусты, а потом застыл, рассматривая шалаш, рядом с которым горел костёр. Два мужика что-то на нём жарили. Желудок бегльца тут же свело от мечты о горячем куске мяса, а рот наполнился слюной. Чуть поодаль он заметил двух стреноженных коней и его мысли мгновенно переключились на них. Он очень устал

брести через лес. Конь может дать ему новые возможности, он сможет уехать подальше от этих мест. Мужчина уже решил поползти в сторону коней и попробовать украсть одного из них, когда с другой стороны поляны показались два всадника, возможно, тоже привлеченные либо запахом мяса, либо дымом от костра. Мужики, увлеченные приготовлением пищи, не заметили гостей или не обратили на них внимание. Но беглец сразу понял, что это за ним. Два вооруженных всадника, один из которых был в полицейской форме. Пятясь, он начал отползать назад, в лес.

Внезапно мужики тоже заметили всадников. Один из них выкрикнул что-то непонятное, и они вдвоём бросились бежать. Бежать прямо на него. Он застыл в кустах, сердце в груди громко заколотилось. Неужели его заметили? Раскати-сто грохнул выстрел.

— Стоять! Застрелю! – громко крикнул полицейский, целясь в мужиков.

Мужики остановились и повернулись. Беглец выдохнул. Он понял, что сейчас дичь не он, а эти два незадачливых повара. Поэтому он решил остаться и посмотреть, что будет дальше. А дальше мужиков связали и привязали к лошадям. Затем полицейский и его спутник обыскали шалаш. Полицейский затоптал небольшой костёр и влез на коня.

— Поехали к остальным, — сказал он седому спутнику с револьвером.

Они взяли поводья лошадей с пленниками и через

несколько мгновений скрылись из виду. Как только это произошло, мужчина вскочил на ноги и бросился вперёд. Резкими движениями рук он разрыл остывающие угли и откопал испачканный в пепле и земле, не прожаренный до конца, кусок мяса и тут же принялся жадно рвать его зубами. Внезапно он задумался и перестал есть. Беглец решил проследить за полицейским и его спутником. Нужно узнать, что они собираются делать дальше и сколько их. Мужчина поднялся на ноги и быстро пошёл в лес в том направлении, куда поехали всадники и практически сразу оказался на лесной дороге. Скрываясь за деревьями, беглец следовал за голосами своих преследователей, пока не увидел повозку и трех человек окруженных несколькими всадниками, среди которых был и недавний полицейский, пристав Никитин. Он отчетливо слышал их разговор в притихшем лесу. Один из повозки назвался сыном золотодобытчика Ефимова, второй следователем из Москвы, третий, судя по всему, был кучер или конюх, а, может, и то и другое.

Закончив разговоры, четверо всадников с двумя пленными конокрадами двинулись в сторону города. Остальные трое залезли в дрожку и тронулись в противоположном направлении. Беглец немного подумал и пошёл вслед за дрожкой, продолжая скрываться среди деревьев.

Уже смеркалось, когда они подъехали к высокому забору из бревен. Забор начинался от крутого склона холма, шёл до заводи и уходил на несколько метров в воду. Деревянные ворота были закрыты, за ними просматривались несколько крыш. Сидор, нарочито кряхтя, слез с козел, неторопливо подошёл к воротам и сильно постучал в них кулаком.

— Эй, чего закрылись, открывай!

— Кого там принесло? – из-за ворот раздался грубый голос.

— Я это — Сидор, Прохора Никаноровича привез.

Ворота медленно открылись, а кучер вернулся на своё место. Мужик с ружьём оглядел путников и открыл створки шире, чтобы дрожка смогла въехать во двор. В глаза сразу бросался огромный бревенчатый дом о трёх этажах, вокруг которого расположилось несколько домиков поменьше, сараи и загоны для скота.

— Чё, вооружился, Василич, чай волки опять телка задрали? — въезжая во двор, спросил Сидор.

— Кабы только волки. Каторжник убёг, не слышал? Судачат, где-то рядом в лесах схоронился.

— Как не слышать, слышал, уже и видал, как ловят его, — похвастался своей осведомлённостью кучер.

— Ну и как, поймали? – спросил Василич.

— Нет ещё, куды им! Только честной народ пугать горазды, — выразил своё мнение о качестве работы полиции Сидор.

Из дверей дома с фонарем в руке выбежала пышная скуластая баба. Она подбежала к дрожке, осветила лицо Прохора и закудаhtала:

— Прохор Никанорович, господи, как добрались? Хорошо? Путь то какой далёкий! Давайте вещи заберу в Вашу комнату.

Она буквально вырвала из рук Ефимова чемодан и потащила его в дом. Трегубов, тоже снявший свои чемоданы с дрожки, так и остался стоять, не зная, что ему делать дальше.

Из дома вышел высокий мужчина с длинным носом, небольшим узким ртом в обрамлении бороды и редкими пучками рыжих волос на лысеющем черепе.

— Ну, здравствуй, брат, — раскрыл он объятия.

Прохор сделал шаг вперёд и обнял своего старшего брата Ивана, похлопав его по спине.

— А где батюшка? — спросил он.

— Ты же знаешь его: рано встаёт и рано ложится. Поди спит уже, завтра с ним увидишься. Да что же мы во дворе стоим. Катерина! Катерина!

Из дома снова выскочила та же самая баба с пышными формами, но уже без чемодана Прохора.

— Скажи Анисье, чтобы стол накрыла и покормила людей, а потом отнеси чемоданы в гостевой домик, — Иван

Ефимов посмотрел на Трегубова, — и подготовку постель.

— Это — Иван Иванович Трегубов, мой друг, — пояснил Прохор.

— Что же, будем знакомы, — Иван Ефимов протянул руку и сделал шаг навстречу Трегубову, — друг моего брата — мой друг. Вы не бойтесь, оставьте чемоданы здесь, не пропадут, Катерина отнесет их и потом покажет Вашу комнату.

Иван пожал протянутую руку и поблагодарил за гостеприимство. Они втроём прошли в дом через сени и вошли в большой зал с длинным деревянным столом, вдоль которого стояли лавки с резными спинками.

— Вы уж не обессудьте, — сказал старший Ефимов, — но у нас здесь всё по-простому. Прошу, присаживайтесь, где удобно.

Трегубов и Прохор присели за стол. Тут же с тарелками в руках появилась женщина лет пятидесяти, очевидно, та самая Анисья. У неё было приятное лицо, мясистый нос и постоянно шевелящиеся морщины на лбу. Серые глаза поварихи участливо смотрели на молодых людей.

— Собрала что от ужина осталось, Вы уж извините.

— Ничего, спасибо, — сказал Прохор, забирая из её рук тарелки.

— Сейчас хлеба свежего принесу, — сказала Анисья и скрылась в двери.

— Квасу не забудь, — крикнул её вслед Иван Ефимов.

В этот момент в дверях появился новый персонаж, совсем

не похожий на двух братьев — шатен с круглым веснушчатым лицом, на первый взгляд, практически ровесник Прохора.

— Братишка! — кинулся он, улыбаясь, вперед.

Прохор встал и обнял другого брата, как показалось Трегубову с большей нежностью, чем старшего.

— Как ты Трофимушка? — спросил его брат.

— Ох, по-всякому, так сразу и не расскажешь. Как ты? Как Москва? Надолго в наши края?

— Москва стоит, как и положено. На месяц, думаю, задержаться.

— Прекрасно, сходим на рыбалку, как раньше! — воскликнул Трофим, улыбка не сходила с его уст.

— Трофим, дай гостям поесть, поздно уже, — вмешался старший брат.

— Ах, и правда, завтра поговорим, прошу прощения, — он кивнул Трегубову и вышел.

— А что Харитон? Сидор сказал он в Перми? — спросил Прохор Ивана, разрезая кусок вареного мяса на тарелке.

— Кто его знает, — нахмурился старший брат. — Ты же знаешь какой он. Какое-то время в Екатеринбурге жил. Говорит, давай буду сам за конторой смотреть. Батюшка согласился, думал наконец Харитон одумался и взрослеет. Но надолго его не хватило, подался в Пермь и пропал. Уже давно ни слуху ни духу.

— Да, я знаю, каков он, — согласился Прохор. А что Ари-

на, на сносях уже?

— Это кто же такое сказал?! Сидор что ли? Вот пустомеля! Осенью ожидаем, рано ещё. Завтра сам всё увидишь.

— А как Ольга, как Даша?

— Ольга, — повторил Иван, и Трегубов отметил про себя небольшую паузу, словно старший брат о чём-то подумал прежде, чем дать ответ, — хорошо она, здорова, Даша тоже, подросла не узнаешь. Но что же мы всё о нас. Как ты живешь в Москве? Жениться не надумал?

— Нет, — улыбнулся Прохор, — не до этого, нужно магазин поднимать. Всё время занят.

— Что, трудно с магазином?

— Непросто.

— Если помочь нужно, я тебя поддержу, поговорим с отцом...

— Потом дела обсудим, — прервал брата Прохор, бросив быстрый взгляд на Трегубова. — Смотри, Иван уже зевает, устал с дороги.

— Катерина! — снова крикнул Иван Ефимов.

Женщина тут же появилась, наверное, стояла за дверью и ждала.

— Проводи гостя и всё покажи, — попросил старший брат.

Иван поднялся и проследовал вслед за прислугой в небольшой двухэтажный гостевой дом. Катерина поднялась на второй этаж по деревянной лестнице, что была с наруж-

ной стороны дома. Сквозь окно был виден неяркий отсвет ламп. Трегубов зашёл внутрь. Этаж был разделён две равных части: горница со столом и четырьмя стульями и спальня с большой широкой деревянной кроватью, накрытой периной. В спальне был небольшой шкаф и пара табуретов. В углу висела старая выцветшая икона, над которой свил свою паутину невидимый паук. Когда прислуга ушла, уставший Трегубов решил лечь спать, а разбор вещей из чемоданов оставить на утро. Он упал на мягкую перину, закрыл глаза и провалился в сон.

«Петухи, - подумал Иван, открыв глаза и увидев деревянный потолок». Несколько секунд он никак не мог понять, где он и почему не в своей постели, затем волною нахлынули воспоминания вчерашнего дня. Нужно было вставать. Трегубов оделся, привел себя в порядок, распаковал чемодан и распределил вещи в шкафу. Он ждал, что Прохор зайдёт за ним утром и покажет уголья своей семье уже при свете дня. Однако его не было. «Наверное ещё спит, тоже устал после дороги, — нашёл объяснение Иван, а затем посетовал про себя, что вчера не спросил у Анисьи, где можно умыться.»

Сидеть в комнате не было никакого смысла и Трегубов принял решение спуститься во двор. За исключением коров, кур и петухов подворье оказалось пустым. Ни души.

— Интересно, а где все? – вопрос сам собой пришел на ум и был тихо озвучен себе под нос Иваном.

Внезапно из дверей главного дома выскочила Анисья, она

собиралась куда-то бежать, но тут заметила Трегубова.

— Ох, не думали, что вы, городские, тоже рано встаёте, милости прошу за завтрак, все уже собрались.

В столовом зале собралась вся семья, и множество глаз с любопытством уставилось на вошедшего гостя. Во главе стола сидел сам Никанор Власович Ефимов. Трегубову это было совсем не трудно понять, поскольку хозяин дома был сильно похож на брата Прохора, Ивана, только постарше примерно на четверть века. Его высохшее старческое лицо резко контрастировало с казавшимися молодыми глазами и с живым заинтересованным взглядом. Завидев Трегубова, он встал и поприветствовал его.

— Добрый день, Иван Иванович. Мой сын уже рассказал мне о Вас. Присаживайтесь, прошу Вас. Прохор сказал, что Вы следователь? Это хорошо. Серьезное занятие. Может, Вы сможете повлиять на моего непутевого сына, выбить у него из головы эту книжную дурь, чтобы он понял, что настоящая жизнь она совсем другая, отличная от того, что пишут в книжках.

— Батюшка, — взмолился сидевший на лавке Прохор.

— Ладно, ладно, — скрипуче пробормотал старик, а затем представил членов своего семейства.

По правую руку рядом с отцом сидела старшая дочь Федосья, про которую Прохор говорил, что она заменила им мать. На её костлявом лице со строгим взглядом выделялся длинный нос — наследие Никанора Власовича, которо-

го избежали Прохор и Трофим, очевидно, унаследовавшие более округлые материнские черты лица. Из-под платка выбивалась прядь уже поседевших волос. По левую руку сидел старший сын Иван с женой Ольгой, имевшей бледное лицо с узким ртом и надменным взглядом. На ее коленях располагилась вертлявая девочка лет трех-четырёх, дочка Дарья. Далее пристроился часто и приятно улыбающийся Трофим. Напротив них, по другую сторону стола, сидело семейство Герасимовичей, беременная младшая дочка Никанора Власовича Арина, которой тоже достался длинный нос отца, слегка смягчаемый молодостью и полными щеками с ямочками. Её муж, Лев Николаевич Герасимович, с мелкими чертами лица и небольшими бегающими глазками казался сильно старше жены, и как потом узнал Иван, был вдовцом из Минска, осевшим в Екатеринбурге. Он был ювелиром, работал по золоту. Но наибольший интерес вызывал Егор Фомич, представленный как управляющий и поверенный в делах, чтобы это не значило. Дело в том, что, как отметил про себя Трегубов, если убрать усы, Егор Фомич был точной и более старшей копией сидевшего рядом Трофима.

После завтрака Прохор попросил Ивана подождать его во дворе, поскольку у него будет серьезный разговор с отцом, после которого он обещал показать ему окрестности. Трегубов вышел во двор и увидел Сидора, который уже запряг дрожку.

— Доброго утра, Сидор, — поздоровался он.

— Вам тоже доброго, — ответил тот, осматривая упряжь.

— Куда так рано? В город? — спросил Трегубов.

— Туды, а куды ж ещё?

— Никанор Власович по делам поедет?

— Не, Ольга Васильевна, к отцу Вениамину.

Упомянутая Ольга Васильевна, словно подслушав, тут же появилась на пороге дома. Она была вся в черном, включая платок, словно собиралась на похороны.

— За Дашей Катерина присмотрит, — холодно ответила мужу, который появился вслед за ней, на какой-то его вопрос.

— Ольга, — Иван Ефимов повысил голос, готовясь что-то сказать жене, но, увидев Трегубова, решил этого не делать.

Ольга Васильевна, не глядя на Трегубова, высоко подняв подбородок и придерживая длинное платье, чтобы его не испачкать, взобралась на дрожку.

— Трогай, Сидор.

Дрожка тронулась, а Трегубов успел заметить как на мгновение исказилось от гнева лицо Ивана Ефимова, а затем быстро приняло обычное выражение. Старший брат Прохора проследил, как дрожка выехала из ворот, и повернулся к Ивану.

— Какие у Вас планы? — любезно поинтересовался он у Трегубова.

— Пока не знаю, жду Прохора, он обещал показать мне окрестности. Говорил, что у вас есть лодочная станция, и

можно посмотреть озеро на лодке.

— Станция? Станция есть в городе, — усмехнулся Иван Ефимов, — а у нас сарай с лодками. И, скорее, большая заводь, чем озеро. Прохор преувеличивает. Но места, действительно, красивые. Если пойдёте в лес, возьмите обязательно ружья: по весне волки телка задрали. Мужики выследили и застрелили несколько, но могли ещё остаться. Впрочем, надеюсь, что Прохор не забыл в Москве, как мы тут живём.

— Думаю, нет, не забыл. Он мне всё время рассказывает, как здесь хорошо, даже не понимаю, что его держит в Москве, если так тянет сюда.

— Гордость его держит, — сказал Иван Ефимов, — хочет всего в жизни достичь самостоятельно. Быть независимым от отца. Но, очевидно, пока не очень получается. Надеюсь, они с батюшкой договорятся.

Однако, судя по лицу появившегося во дворе Прохора, надежды старшего брата не сбылись. Тот был чернее тучи.

— Как поговорили? — спросил Иван Ефимов.

— Как обычно, — отрезал Прохор. — Пойдём, Иван, прокатимся по озеру.

— Что случилось? — спросил его Иван, когда они вышли на протоптанную тропинку, ведущую к воде.

— Ничего, просто мой батюшка считает, что вкладывать средства в книжное дело менее выгодно, чем в добычу золота. В этом он, конечно, прав, — вырвалось у Прохора, — но разве дело только в деньгах. Но давай возьмем весла в сарае.

Почему их не оставлять в лодках? Хотя бы летом.

— Не знаю, — ответил Иван.

— Это был риторический вопрос, прости. Традиции здесь чтят. Раз было заведено относить вёсла в сарай, значит, все будут это делать, не задумываясь зачем.

Они подошли к небольшому покосившемуся сараю, дверь которого была закрыта, но не заперта. Внутри было очень темно, и в глаза бросался страшный бардак. Парусина, доски, вёсла, — всё было свалено по углам. Прохор посмотрел на этот хаос и только молча вздохнул. Они взяли два весла и спустились к небольшому деревянному причалу. На воде покачивались три небольших деревянных лодки, ещё одна лежала на берегу. Прохор выбрал одну из лодок, куда они с Трегубовым и спустились.

— Надо будет разобраться в сарае, посмотреть: осталась ли леска для рыбалки, иначе придётся ехать в город покупать. Мужики бредни и верши используют, но я люблю поудить. Ради удовольствия посидеть, помечтать. Сейчас просто пока прокатимся, осмотримся. Ты садись вперёд, я буду на вёслах. Если устану, поменяемся. Хотя давно мечтал вот так вот...

— Ты не хочешь здесь оставаться с отцом, будешь продолжать работать в магазине? — спросил Иван.

— Да. А зачем я здесь нужен, скажи на милость? Во-первых, есть Иван, ему это всё нравится. Во-вторых, есть Егор, который в золоте собаку съел. Харитон, остепенится...

— А что отец не понимает этого?

— Батюшка любит всех контролировать, таков он. А Иван считает неподходящим.

— Почему? Мне он показался разумным?

— Разумный, это правда, — Прохор задумался: рассказывать или нет Трегубову семейные секреты, потом подумал, что Иван и так всё увидит, как человек прозорливый и сообразительный, поэтому продолжил, — но иногда больше эмоциям подвержен, чем разуму, а посему батюшка полагает, что может быть подвержен влиянию.

— Почему ты так думаешь?

— Так батюшка считает, мол не может с женой справиться, не может поставить её на место, потакает ей, значит и с делом не справится.

— А что не так с Ольгой Васильевной, извини за прямой вопрос?

— Сложно сказать. Раньше они душа в душу жили, а сейчас... сам не понимаю пока. Ольга всегда мне немного странной казалась: простая такая, но с характером и амбициями. В прошлом году из-за какого то пустяка с Марией Харитоновой поцапалась прямо на приёме у губернатора. Иван рассказывал, что хотел сквозь землю провалиться тогда. Но, что мы всё о брате. Лучше посмотри по сторонам. Какая тишина, а воздух! Никакой вони московской. Ты поди и отвык уже.

Он проследил дрожку до забора и увидел мужика с ружьем, который караулил ворота. Его он не боялся. Он боялся собак, которые были во всех усадьбах. Сейчас их не слышно и не видно, но они есть. Поэтому через забор он не полезет. Слишком рискованно. Но место ему подходило, возможно, именно здесь его не будут искать. Уединенная усадьба, вдали от города и приисков. Чужаки сюда не попадут. Полиции тоже здесь делать нечего. Ему нужно укрыться всего на несколько дней и не показываться обитателям усадьбы пока всё не уляжется и про него не забудут. Может, даже подумают, что он сгинул в лесу, и тогда можно будет податься в город. А пока нужно подумать, как сюда забраться. С одной стороны забора темнел высокий холм. Снова лазить по кустам, да ещё рискуя сорваться в темноте и сломать ноги, он не хотел. Поэтому мужчина пошёл вдоль забора в другую сторону. Трава стала подниматься, а под ногами начало хлюпать. Не дай бог болото, а он знал, что местность здесь болотистая. В темноте не было видно, что там дальше. Но он решил идти, касаясь одной рукой забора. Взошла луна, и беглец увидел перед собой темную ровную поверхность, — это могла быть только вода. Также был виден конец забора. Он решил поплыть, чтобы вылезти из воды уже за забором. Беглец хорошо плавал. Холодная вода на миг сбила ды-

хание, но подействовала успокаивающе на уставшее и исцарапанное тело. Он обогнул забор и увидел, что берег в лунном свете выглядит достаточно крутым и заросшим, поэтому мужчина поплыл дальше, присматривая место поудобнее. Скоро он заметил небольшой причал. Подплыв к нему, беглец обнаружил протоптанные склоны. Он вылез из воды и осторожно выбрался на берег. Группа строений вокруг основного дома усадьбы была достаточно далеко. Там светилось несколько огней. У деревянного причала с лодками стоял небольшой сарай, и мужчина отправился туда. Дверь, на его счастье, была без замка. Внутри он снял с себя мокрые лохмотья, об одежде тоже придётся подумать в своё время. А сейчас он закрыл дверь сарая, забрался в угол под парусину и уснул, расслабившись в первый раз за двое суток.

Проснулся он от холода, кожа посинела и покрылась мурашками, зубы стучали. В сарае был сквозняк, а он устал и был очень голоден. Начинало светать. Он обыскал сарай, но ничего из одежды не нашел, поэтому облачился в своё тряпье, которое до конца не высохло за несколько часов ночи. Зато он нашёл несколько прошлогодних плетеных из сучьев ловушек для рыб. Наживки у него не было, но может пара глупых рыбёшек заплывёт. Мужчина отошел подальше от пристани, зашёл в воду и поставил верши в местах, где, как он предполагал, могла плавать рыба. В это время прокричали петух. Пора было прятаться, пришлось вернуться в сарай. Он нашёл место, откуда через щель было видно усадьбу, и

набросал на себя парусины. Незаметно для себя он задремал и проснулся только от голосов в сарае.

Двое человек подбирали весла. Скоро они вышли, и мужчина выбрался из-под парусины посмотреть кто это был. Оказалось, что два его давешних знакомца — Ефимов и следователь из Москвы — решили прокатиться на лодках. Если домочадцы усадьбы будут часто кататься на лодках, ему придётся поменять убежище или что-то придумать, что помешает им кататься и рыбачить. Пока же он наблюдал за двумя мужчинами на озере. Через пару часов они вернулись, но весла оставили в лодке. Когда люди ушли, у него мелькнула мысль взять лодку и уплыть. После коротких размышлений он подавил в себе это желание. Куда плыть и что дальше? Решение пересидеть было самым правильным. Он осторожно вышел из сарая и пошёл проверить верши. Один небольшой карась, и есть его придётся сырым. Мужчина вздохнул, но он был очень голоден. Сначала он съест карася, а уже потом придумает как пробраться в дом, чтобы украсть еду и одежду.

Прохор стоял у кабинета отца, обдумывая, не поговорить ли с ним ещё раз, привести другие аргументы. Несмотря на лодочную прогулку с другом, настроение Прохора не улучшилось. Отец его не понял, а, вернее, как он и предполагал, попытался использовать его положение для своей выгоды. В ответ на просьбу дать займы денег, Никанор Власович согласился, но выдвинул невыполнимые условия. Прохор должен был вернуться и возглавить кампанию. На вопрос, а как же Иван, он получил жесткий ответ, что видит во главе предприятия только Прохора. Иван слишком неуравновешен и подвержен влиянию эмоций. Хорошо зная своего отца, Прохор не был уверен, что подобные беседы не проходят с его старшим братом, например, так: «Иван во главе предприятия я вижу только тебя, поскольку у Прохора в голове лишь книжная дурь, и он далёк от реальности».

Отец всегда, осознанно или нет, создавал внутри семьи конкуренцию, и только Трофим со своим непробиваемым характером мог не обращать на всё это внимание. Не исключено, что Харитон сбежал, не выдержав всего этого давления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.